

ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ В РЕШЕНИИ ЖИЛИЩНЫХ ПРОБЛЕМ НА ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОМ ЭТАПЕ

После освобождения из мест лишения свободы перед бывшими осужденными особенно остро встает жилищная проблема. Для кого-то она неактуальна, поскольку сохранились социальные связи или после срока отбытия жилище пригодно для проживания и право пользования или право собственности жилым помещением сохранилось). Для регистрации освободившегося из мест лишения свободы по месту жительства не требуется повторного согласия проживающих в этом жилом помещении лиц, так как гражданин, приговоренный к лишению свободы, не утрачивает право пользования жилым помещением в течение всего периода отбытия наказания. Бывший осужденный может быть признан утратившим право на проживание в жилом помещении только на основании ч. 3 ст. 83 Жилищного кодекса РФ в том случае, если он выехал на иное постоянное место жительства и тем самым добровольно отказался от своих прав и обязанностей, предусмотренных договором социального найма.

Анализ судебной практики показывает, что при принятии решения о признании лица утратившим право пользования жилым помещением суд выясняет, по какой причине и как долго гражданин отсутствует в жилом помещении, носит ли его выезд из жилого помещения вынужденный характер (конфликтные отношения в семье, расторжение брака), добровольный, временный (работа, обучение, лечение и т. п.) или постоянный (вывез свои вещи, переехал в другой населенный пункт, вступил в новый брак и проживает с новой семьей в другом жилом помещении и т. п.). Также суд выясняет, не чинились ли ему препятствия в пользовании жилым помещением со стороны других лиц, проживающих в нем, приобрел ли ответчик право пользования другим жилым помещением в новом месте жительства, исполняет ли он обязанности по договору по оплате жилого помещения и коммунальных услуг и др.

Нередки ситуации, когда гражданин утрачивает свое право проживания в жилом помещении до вынесения уголовного наказания и после освобождения из мест лишения свободы уже не имеет никаких прав. Часто осужденный вовремя не защищает свое право на жилище (например, пропускает срок принятия наследства), лишая себя тем самым названного права.

Социальные работники колонии, в должностные обязанности которых входит выяснение места жительства осужденного после освобождения,

не в силах через переписку решить жилищные проблемы освобождающегося, вопросы трудоустройства и жизнеобеспечения решаются на месте, по прибытии туда бывшего осужденного. Представляется необходимым введение института постпенитенциарного социального работника, оказывающего помощь осужденным в вопросах социальной адаптации после освобождения. Наше предложение соответствует Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, предусматривающей применение комплексных мер по обеспечению ресоциализации осужденного, его успешной социальной адаптации после освобождения.

Полагаем, что такой социальный работник должен состоять в штате уголовно-исполнительных инспекций, основная его роль заключается в содействии поиска работы для осужденного, решении жилищного вопроса на основе взаимодействия с местными органами власти, оказании квалифицированной юридической помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы, по защите их жилищных, трудовых, пенсионных и иных прав, нарушенных в связи с отбыванием наказания.

ИСТОКИ ГУМАНИЗАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ (к 100-летию принятия постановления НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового»)

После победы Октябрьской революции и образовании государства нового типа – Российской Социалистической Федеративной Советской Республики – свергнутые классы и социальные группы оказывали противодействие его функционированию не только вооруженными методами, но и путем контрреволюционных преступлений, саботажа, спекуляции и других общественно опасных деяний. В связи с этим в первые месяцы после революции были приняты соответствующие нормативные правовые акты. Помимо установления ответственности за наиболее общественно опасные и распространенные в указанный период преступления следовало изменить судебную систему и практику исполнения наказаний. Так, согласно Декрету Совета Народных Комиссаров (СНК) от 24 ноября 1917 г. «О суде», Декрету СНК от 4 мая 1918 г. «О револю-

ционных трибуналах» правосудие осуществлялось судами, «образуемыми на основании демократических выборов». Судьи, заседатели, следователи, комиссары, поддерживающие обвинения, избирались Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Таким образом, судебную систему составляли местные (народные) суды соответствующих административно-территориальных формирований и трибуналы (в том числе и военные трибуналы).

При назначении наказаний суды руководствовались декретами и постановлениями соответствующих органов власти РСФСР, программами РСДРП и партии социалистов-революционеров (ПСР), неотменными законами царской России, «революционной совестью» и «революционным правосознанием». Наиболее часто назначались следующие наказания: принудительные работы; лишение свободы, которое могло назначаться условно; штраф; смертная казнь, которая в первые годы советской власти дважды отменялась и дважды вводилась. При этом местные суды не имели права назначать смертную казнь.

Первым нормативным правовым актом, принятым высшим органом власти РСФСР, регулирующим порядок исполнения наказаний, было постановление НКЮ (Народного комиссариата юстиции) РСФСР от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового», которым была введена в действие временная инструкция, действовавшая наравне с последующими правовыми актами по этому виду наказания весьма длительное время. Так, были приняты Декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» (1919), постановление НКЮ, утвердившее Положение об общих местах заключения РСФСР (1920) и Декрет СНК «О лишении свободы и о порядке условно досрочного освобождения заключенных» (1921), которые не отменяли указанную инструкцию, но существенно изменяли и дополняли ее. В частности, предусматривалось лишение свободы по постановлению ВЧК, уточнялся порядок наложения взысканий за нарушение режима, предоставления свиданий и др.

В инструкции, принятой НКЮ РСФСР постановлением от 23 июля 1918 г., указывалось, что уставы о лицах, содержащихся под стражей, ссылках, делении мест заключения на разряды отменяются, «считаются потерявшими силу» и отныне суды должны указывать «только лишение свободы на определенный срок, обязательно связанное с принудительными работами». Места лишения свободы классифицировались на мужские и женские, которые, в свою очередь, делились по назначению: на общие места заключения (тюрьмы); реформатории и земледельческие колонии как учреждения воспитательно-карательные, в особенности для молодых

преступников; испытательные заведения для лиц, по отношению к которым имелись основания для послабления режима или досрочного освобождения; карательно-лечебные заведения для помещения арестантов с заметно выраженными психическими дефектами («дегенератов и т. п.»); тюремные больницы. Кроме перечисленных мест лишения свободы предусматривались арестные помещения (дома) для кратковременного содержания задержанных милицией и числившихся за местными народными судами (до решения суда) и для арестантов, подлежащих пересылке.

Все места лишения свободы находились в ведении НКЮ РСФСР (в его структуре было создано Главное заведение делом применения уголовных наказаний) и финансировались за счет казны РСФСР. Арестные помещения (дома) находились в ведении Народного комиссариата по внутренним делам (НКВД) или муниципальных и земских отделов местных советов рабочих и крестьянских депутатов. Предусматривались обеспечение заключенных питанием и одеждой, компенсация расходов на содержание осужденных за счет вычетов из заработка отбывающих наказание. С лиц, временно содержащихся в названных местах, удержание производилось за счет их средств или имущества при его наличии.

Порядок формирования и деятельности распределительных комиссий был демократичным. Они направляли осужденных в места исполнения наказаний, осуществляли некоторые контрольные функции. В состав распределительной комиссии входили заведующий местного карательного отдела или его заместитель, заведующий местами лишения свободы и «сведущих лиц по приглашению местного карательного отдела». Более того, лица, лишенные свободы и «пригодные к труду», привлекались к ведению переговоров по поводу оплаты труда, распределению работ. Инструкция предусматривала возможность предоставления отпуска тем, кто был осужден на срок не свыше одного года лишения свободы. Продолжительность отпуска составляла до двух недель в связи со смертью близких родственников или по иному серьезному поводу.

Также предусматривалась возможность применения репрессивных мер к лицам, нарушавшим порядок и дисциплину или не желавших работать без уважительных причин. К таким могли применяться следующие меры воздействия: более суровый режим содержания (лишение свиданий, переписки и пр.); меры изоляции (одиночное заключение, карцер до 14 дней); в исключительных случаях, при частых рецидивах «недопустимого поведения», – перевод в специальные тюрьмы (изоляторы).

Если осужденные отказывались от работы, предусматривались следующие меры воздействия: в их лицевой счет вписывался расход на со-

держание в полном размере, причем заключенный предупреждался о том, что пока сальдо счета в его пользу, он не сможет выйти из тюрьмы, хотя бы и отбыл назначенный судом срок наказания; если это не помогло, он переводился на уменьшенный (по сравнению с другими) продовольственный паек как не работающий; направление в «изолятор (особую тюрьму) как неисправимый». Перечисленные меры взыскания к заключенным имели право применять заведующие местом заключения. Перевод заключенного в специальную тюрьму осуществлялся по решению распределительной комиссии. Срок содержания в местах лишения свободы свыше одного месяца в связи с взысканием продлевался местным народным судом по представлению распределительной комиссии. Неисправимые «упорные рецидивисты», «погромщики» и «хулиганы» могли передаваться в местный революционный трибунал для рассмотрения вопроса о их дальнейшей изоляции.

Таким образом, уже в первом правовом акте, принятом НКЮ РСФСР 23 июля 1918 г., были заложены основные направления уголовно-исполнительной политики государства, ее демократизм и гуманизм, нацеленность деятельности администрации мест лишения свободы на исправление лиц, совершивших преступление, а не на кару и возмездие. Во всех учреждениях уголовно-исполнительного процесса осужденные привлекались к участию в организации труда, распределении работ и других мероприятиях, проводимых администрацией мест лишения свободы. Неукоснительно соблюдалась коллегиальность применения мер дисциплинарного воздействия к осужденным, нарушающим режим исполнения наказаний.

УДК 343:344

А.П. Скиба, Н.В. Кийко

**УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В СЛУЧАЕ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ,
ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ –
СПЕЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА**

Уголовно-исполнительное законодательство в случае стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения представляет собой актуальное направление развития уголовно-исполнительного права как Российской Федерации, так и Республики Беларусь. Применительно

к РФ отчасти оно может базироваться на положении ст. 331 УК РФ о том, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени. Вместе с тем аналогичная по содержанию норма в УК Республики Беларусь отсутствует.

Необходимость разработки уголовно-исполнительного законодательства в случае стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения обусловлена реальной возможностью возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, ухудшения военно-политической обстановки в приграничных с отдельными регионами России и Беларуси территориях и т. д. Актуальность исследования указанной проблематики связана с тем, что Федеральные конституционные законы «О чрезвычайном положении» и «О военном положении» не содержат норм, которые относятся к деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания, при введении чрезвычайного или военного положения. Аналогичным образом обстоит дело и в Республике Беларусь: приняты Законы Республики Беларусь «О чрезвычайном положении» и «О военном положении».

С учетом этих обстоятельств в Уголовно-исполнительном кодексе РФ уже имеется правовой институт, который может стать некоей основой для формирования уголовно-исполнительного законодательства в случае стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 85 УИК РФ в случае стихийного бедствия, введения в районе расположения ИУ чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных в ИУ может быть введен режим особых условий. Введение данного режима в ИУ подразумевает возможность ограничения отдельных прав осужденных, установления усиленного варианта охраны и надзора, изменения распорядка дня, ограничения деятельности производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных, и т. п. Однако положения ст. 85 УИК РФ являются расплывчатыми, недостаточно учитывают особенности различных оснований введения режима особых условий и требуют дальнейшей законодательной конкретизации с позиции правового положения как осужденных, так и сотрудников уголовно-исполнительной системы.

В целом аналогичную норму содержит УИК Республики Беларусь, в соответствии с ч. 1 ст. 76 которого в случае стихийных бедствий, групповых отказов осужденных от работы, приема пищи, иных неповиновений, а равно групповых действий, грубо нарушающих внутренний распорядок, начальник исправительного учреждения наделен правом вве-